

Киевлянин Григорий Козинцев как король Лир



Григорий Козинцев

115 лет назад в семье известного киевского врача, практиковавшего на Большой Житомирской, родился будущий советский режиссер-классик Григорий Михайлович Козинцев.

Какое отношение лауреат двух Сталинских премий, постановщик (совместно с Леонидом Траубергом) революционной кинотрилогии о Максиме, имеет к еврейской теме, кроме того, что был сыном Моисея Исааковича Козинцева и Анны Григорьевны Лурье — дочери раввина? В общем-то, никакого.

Другой советский киноклассик — Михаил Ильич Ромм, тоже делал революционные фильмы, слудил дилогию о Ленине, но под старость снял «Обыкновенный фашизм», где осудил антисемитизм и выразил сострадание к своему роду-племени. Козинцев к еврейской теме так никогда и не притронулся. Его поздние фильмы были экранизациями нетленки: «Дон Кихот» (1957), «Гамлет» (1963), «Король Лир» (1970).

Но не все так просто и прямо в искусстве. Ромм был человек коммуникабельный, социально активный, с живым интересом к актуальной политике. Козинцев был замкнутым, политики принципиально чуждался, тяготел к философской медитации. Художественные высказывания Михила Ильича были непосредственными: захотел поговорить на тему, затрагивающую евреев, и сделал это в остропублицистической форме документального фильма. Григорий Михайлович, вероятно, тоже задумывался на старости о своей а-идской идентичности и судьбе евреев вообще, но открытых высказываний по этим вопросам в его творчестве не ищи. Не следует это понимать так, что Козинцев держал еврейскую фигу (в терминах Ветхого завета — смоковницу) в кармане. Дело в другом. Марина Цветаева написала: «Все поэты — жи́ды». То есть, все поэты — люди, не понимаемые толпой, отверженные, гонимые. Доведя мысль Цветаевой до предела, можно сказать, что все люди жи́ды в том смысле, что каждый человек, в сущности, непонимаем, одинок и несчастлив.



Афиша фильма «Король Лир»

Если смотреть на людей в этом разрезе, то, возможно, Козинцев все-таки снял фильм о евреях, или об одном еврее. Это «Король Лир».

Эту трагедию Шекспира, как и всякое великое произведение, можно трактовать по-разному. Мне кажется, что трактовка, которую я предложу, не самая натянутая.

Задумаемся: в чем трагедия Лира, за что он так жестоко наказан судьбой? Ведь он был человек хороший, старался править справедливо, «не расстреливал несчастных по темницам» (Есенин), старался «свой народ в довольствии, во славе успокоить, щедротами любовь его снискать» (Пушкин) — в общем, ничем особо не согрешил.

Нет, все-таки согрешил. Только грех его был не криминальный, не из разряда сталинских, а более тонкий, человеческий. Грех не деяния, а мнения, мыслей. *Грех заблуждения*, так сказать. Лиру казалось, что все окружающие любят и почитают его за его добрые дела, ведь он такой особенный, исключительно хороший и мудрый человек. Поэтому король решил провести эксперимент: ну-ка, откажусь я от трона и короны — будут ли подданные меня так же любить-почитать? И был почти уверен, что будут, что эксперимент даст

положительный результат.

Ан нет. Оказалось, что без короны Лир никому не нужен со своей мудростью, и не за мудрость вся придворная челядь окружала его почетом, как селедку луком, а за власть. И более того, не обладал он никакой мудростью, раз не смог понять, что окружен льстецами, а единственного человека, который любил его искренне, но без лести — дочь свою Корделию — он за несколько правдивых слов лишил своего благорасположения и наследства. Да и вообще, став обыкновенным человеком, Лир обнаружил, что ничего-то он в жизни не понимал, мир жесток и несправедлив, а его подданные живут далеко не в таком «довольствии», как ему тщеславно мнилось.



Король и шут

Вот слово и произнесено: тщеславие. Лир всю жизнь прожил в его плену, в коконе самодовольной изоляции от реальности, воображая, что все про нее понимает и обо всем имеет право безапелляционно судить. Если снова выражаться в библейских терминах, его грех — грех гордыни.

Теперь переходим на самого Козинцева. Прожил человек много лет в

сравнительном комфорте и достатке, был осыпая наградами, воображал, что делает фильмы, «нужные народу». На деле же он делал нужные власти агитки. Но этого не замечал, не осознавал. Он был евреем и теоретически знал, что существует так называемый антисемитизм, но его лично этот феномен никогда не касался. Да и какой вообще антисемитизм? Это уродливое явление было характерно для царизма, советская власть с ним раз и навсегда покончила.

Но вот вдруг, как гром с ясного неба, грянула в поздние сороковые — ранние пятидесятые (ну кто бы мог ждать после Холокоста?) всесоюзная кампания против «безродных космополитов», и этот небожитель впервые кожей ощутил, что он еврей. Как Лир, Григорий Михайлович осознал себя человеком как все люди, не защищенным от ударов судьбы никакими Сталинскими премиями. Правда, репрессии этого периода почти миновали его, но, например, он не смог заступиться, да что там, просто промолчал в тряпочку, когда кампания больно ударила по его товарищу и ближайшему творческому соратнику Траубергу. Убедиться в том, что он «перед опасностью позорно малодушен» (по Лермонтову) было для Козинцева унижительно, ведь как человек благородный он безусловно считал помощь другу моральным постулатом.

Режиссер глухо намекнул на свои переживания тех лет в книге «Черное, лихое время... Из рабочих тетрадей», изданной посмертно, в 1994 году.



Но стоп! Какие репрессии, если свою вторую Сталинскую премию он получил не когда-нибудь, а в 1948 году? Он был удостоен ее за фильм «Пирогов» — одну из ряда снимавшихся по вказивке Сталина картин, призванных доказать, что все достижения мировой культуры, науки и техники принадлежат родному нашему Отечеству («Россия — родина слонов»). И вот как Козинцев узнал, что будет награжден. Посмотрев этот фильм в Кремле, Сталин сказал ему: «Вы что это натворили? Да вы представляете, что вам за это будет? (Пауза) Вам за это Сталинская премия будет!» Есть свидетельства, что Козинцев во время паузы... обкакался. Но это, возможно, выдумка злых языков. Так или иначе, он получил от Иосифа Виссарионовича плевков в лицо и имел возможность на своей шкуре убедиться, что так называемые *советские мастера искусств* «перед властью презренные рабы» (снова Лермонтов).

И вот через двадцать с лишним лет он захотел снять фильм про человека, который всю жизнь пребывал в комфортной слепоте и прозрел лишь тогда, когда, выброшенный из дворца на волю семи ветров, физически ослеп от когнитивного шока, но ментально прозрел.

Конечно, все это моя трактовка. Но она не совсем произвольна. Все-таки не даром Козинцев выбрал на роль Лира еврея Юри Ярвета, а озвучил за него роль Зиновий Гердт.

Козинцев рассказал, что остановился на Ярвете, потому что «в его сморщенном лице запечатлелась вся многострадальная история старухи-Европы». Мы знаем, история какого народа Европы была самой многострадальной.

И Козинцев взял Олега Даля на роль шута, потому что тот показался ему похожим на мальчика из Бухенвальда.

Святослав Бакис, специально для «Хадашот»